

**К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОЙ КОМИССИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК ПО ИЗУЧЕНИЮ КОЛЛЕКЦИЙ ИУДЕЙСКИХ
ДРЕВНОСТЕЙ АВРААМА ФИРКОВИЧА**

Д. А. Прохоров

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
проспект Академика Вернадского, 4, 295007, г. Симферополь, Россия,
prohorov1da@yandex.ru*

В статье рассмотрены обстоятельства, связанные с историей создания одного из крупных собраний иудейских древностей на территории Европы – коллекции рукописей и артефактов, собранных известным караимским ученым и коллекционером Авраамом Фирковичем. На основании документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, исследуются факты, связанные с научной атрибуцией контента коллекции.

Ключевые слова: рукописи; коллекция; Авраам Фиркович; евреи; караимы; Крым; историко-культурное наследие.

**ON THE HISTORY OF THE ACTIVITIES OF THE SPECIAL
COMMISSION OF THE IMPERIAL ST. PETERSBURG ACADEMY
OF SCIENCES FOR THE STUDY OF COLLECTIONS OF JEWISH
ANTIQUITIES BY ABRAHAM FIRKOVICH**

D. A. Prokhorov

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Prospect Vernadskogo 4, 295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
prohorov1da@yandex.ru*

The article deals with the circumstances related to the history of the creation of one of the largest collections of Jewish antiquities in Europe – a collection of ancient manuscripts and artifacts collected by the famous Karaite scholar Abraham Firkowicz. Based on documents stored in the Russian State Historical Archive (RSHA), some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, facts related to the scientific attribution of the content of the collection are investigated.

Keywords: manuscripts; collection; Abraham Firkowicz; Jews; Karaites; Crimea; historical and cultural heritage.

29 июня 2024 г. исполняется 150 лет со дня смерти одного из видных представителей караимского народа Авраама бен Шемуэля (Самуиловича) Фирковича (1787–1874). История собирательской деятельности

ученого и коллекционера, его биография и научные взгляды неоднократно становилась предметом дискуссий, в фокусе которых были, прежде всего, вопросы, связанные с аутентичностью собранных им документов и артефактов. Полемика развернулась относительно содержащихся в обнаруженных А. Фирковичем манускриптах сведений, а также в связи с проблемой подлинности самих находок. С помощью сохранившихся архивных документов и материалов, относящихся ко времени проведения археографических и археологических изысканий А. Фирковича, возможно проследить историю формирования этой уникальной коллекции.

В 1839 г. караимский гахам Симха Бабович с целью поиска сведений о происхождении караимов инициировал деятельность А. Фирковича. Это положило начало созданию обширной коллекции караимских, еврейских и сарматских рукописей и артефактов, связанных с прошлым иудейских общин, в том числе и Крыма. В письме от 31 июня 1842 г. Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору князю М.С. Воронцову президент Одесского общества истории и древностей (ООИД) Д.М. Княжевич писал об археологических находках, сделанных А.С. Фирковичем. Он подчеркнул, что «эти открытия могут вести к разрешению многих весьма важных вопросов и прояснению разных данных покрытых мраком сомнения или неведения исторических истин, и что они составляют редкое приобретение для науки, долженствующее обратить взоры всей ученой Европы, ибо интерес их есть не только частный для Новороссийского края, но с тем имеет и общеевропейский, можно сказать, всеевропейский» [1, л. 4].

«Такие открытия, и труды для того и подъятые, поистине заслуживают и того, чтобы обратить на них Монаршее внимание. — продолжал Д.М. Княжевич. — Россия славна и велика всем: только на этих учениях изысканий и открытий могла она доселе еще мало сподвижников. Тем вящего одобрения заслуживают и малые в сем отношении попытки, и кольми паче столь обильных последствиями. И можно ли сомневаться в успехе при ходатайстве столь просвещенного вельможи, как Ваше Сиятельство, при великодушии Монарха, которого орлиный взор далеко провидит полезное. А между тем и малейших знак внимания родит в Фирковиче новые силы и новое желание к дальнейшим открытиям, которые делает он» [1, л. 4 об.].

«Открытием этих 109 памятников Фиркович воззвал из безмолвия могилы к жизни и заставил говорить столько же свидетелей, находившихся большею частью на Таврическом полуострове, и живших в [общей] сложности 1039 лет. И первого, несколько внимательного рассмотрения этих древностей было достаточно, чтобы показать возможность извлечь из них немаловажное обогащение для нации» — заключал Д.М. Княжевич в письме М.С. Воронцову [1, л. 5].

В результате археографических изысканий и поездок в Турцию, на Кавказ, Ближний Восток, а также поиска рукописей в Крыму и Литве А. Фирковичу удалось собрать действительно незаурядную коллекцию, относившуюся к прошлому иудейских общин Крыма и Кавказа, и состоявшую из древних свитков, кодексов, рукописей и книг. В 1856 г. он обратился к дирекции Императорской публичной библиотеки с предложением приобрести у него это собрание, а в 1857 г. – к министру народного просвещения с предложением создать комитет для рассмотрения и описания рукописей [2, л. 68, 68 об.].

Президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, граф Д.Н. Блудов 29 марта 1862 г. в письме к министру народного образования А.В. Головнину поднял вопрос о целесообразности приобретения коллекции А. Фирковича. В частности, он упомянул предложение, сделанное ранее директором Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (на тот момент уже оставившего этот пост в связи с назначением главным управляющим Вторым отделением собственной е. и. в. канцелярии), статс-секретаря, барона М.А. Корфа – рассмотреть возможность приобрести у Авраама и Гавриила Фирковичей «собрание ветхозаветных кодексов и других памятников, как Еврейской, так и вообще восточной по-библейской литературы» [3, л. 1, 2]. По предложению генерал-адъютанта, графа В.Ф. Адлерберга было решено: доложить о коллекции императору Александру II, так как для столь значительного собрания, имевшего важное значение для академической науки, требовался высочайший вердикт. Император, после представленного ему детального доклада, распорядился рассмотреть данный вопрос в Санкт-Петербургской академии наук. И в том случае, если собрание, насчитывавшее более 1500 рукописных книг и документов будет признано учеными достойным приобретения, то испрошенную Фирковичами сумму Александр II распорядился уплатить [3, л. 2].

Вскоре на созванной по этому случаю конференции в академии была учреждена комиссия, в состав которой вошли историки и ориенталисты: М.И. Броссе, А.А. Куник, А.А. Шифнер и В.В. Вельяминов-Зернов [3, л. 2]. Результаты работы комиссии представили 7 марта 1861 г. на заседании историко-филологического отделения академии [4, с. 1–13; 5, с. 252–264].

Начала свою работу комиссия 12 марта 1861 г., и практически сразу ее участники сделали вывод о том, что в связи с обширностью, важностью и разнообразием состава коллекции потребуются «особые предварительные изыскания», а также привлечение ряда специалистов. Ученые также ходатайствовали перед министром Императорского двора о предоставлении им из Публичной библиотеки всех материалов, касавшихся коллекции А. Фирковича. В ходе ознакомления с составом коллекции потребовалось составление ее подробной описи, где указывались бы не только сами рукописи, но и состав материалов, на которых была написана каждая из них,

а также формат, число листов и текстуальное содержание. Члены комиссии выступили с предложением, чтобы владельцы скрепили своими подписями опись коллекции, во избежание могущих возникнуть «недоразумений и несогласий» [3, л. 4].

6 августа 1862 г. комиссия получила от министерства Императорского двора письменные объяснения А. Фирковича о том, что опись у него имеется, однако составлена она на иврите. Поэтому у него затребовали копию данной описи, также заверенную владельцем. 3 ноября 1861 г. коллекционер представил в распоряжение комиссии: опись «рукописей библейских» и реестр фотографических снимков, сделанных с надгробных памятников кладбища в Иосафатовой долине Чуфут-Кале (опись на русском языке), а также опись остальной части коллекции на иврите. Впоследствии А. Фиркович передал в распоряжение комиссии дополнительную опись на русском языке [3, л. 4 об.].

Детально изучив предоставленные материалы, М. И. Броссе, А. А. Кунник, А. А. Шифнер и В. В. Вельяминов-Зернов составили экспертное заключение. Коллекция состояла из 2412 экземпляров, а именно: 975 свитков и рукописей на коже и пергаменте, 703 документов (подлинников и копий), 734 снимков и копий с надгробных надписей кладбища Чуфут-Кале, и других мест (как отмечалось в отчете, копии с некоторых снимков были сделаны в Санкт-Петербурге). Часть пронумерованных экземпляров рукописей состояла из небольшого количества листов (от 1 до 10). Помимо этого, А. Фиркович дополнительно предоставил 523 плана «различных местностей, расположенных на берегу Черного моря», однако члены комиссии пришли к выводу, что эти планы особого научного значения не представляют.

Востоковеды пришли к однозначному выводу, что данная коллекция хотя и уступала по «отделу библейскому» собранию рукописей А. Фирковича, собранному им в 1839–1841 и в 1852 гг. в ходе экспедиций по Крыму, и переданному затем на хранение в ООИД, тем не менее, она также имела «большую цену и значение в науке» [3, л. 6]. Все экземпляры коллекции членами комиссии были классифицированы, разделены на части и распределены по тематическому или языковому признакам. В первую группу вошли 46 рукописей, представлявших более или менее полные фрагменты Ветхого Завета (в первую очередь, Пятикнижия), а также 77 кодексов, содержавших отдельные книги и отрывки Священного Писания. По заключению комиссии, данное собрание рукописей вызвало академический интерес еще и потому, что «всего более важна в научном отношении представляемая ими разница от общепринятого у Евреев текста Библии». Замеченные специалистами отличия состояли в вариативности отдельных слов и фраз, в пунктуации и акцентах.

Вторая часть коллекции состояла из переводов Танаха: «Отрывки Ветхого Завета на языке халдейском, арабском и персидском; писаны еврейскими буквами»; переводы, отмеченные самим А. Фирковичем как хазарские, были идентифицированы ориенталистами как татарские. Третью часть представляли комментарии еврейских и караимских авторов на Священное Писание, написанные на арабском языке ивритскими буквами; встречалось несколько ранее неизданных и неизвестных [3, л. 7 об.].

К третьей части коллекции были отнесены догматические труды и сочинения законоведческого характера, как караимских, так и еврейских авторов (в числе прочих, упоминались произведения Моисея Маймонида, и, в частности, «Мишне Тора» в копии XV в. из Северной Италии). Четвертая часть состояла из трудов о законоведении и обрядах, пятая – из богословских и философских сочинений, а шестая – из поэтических произведений (относящихся к позднему средневековью). В седьмую группу объединили грамматики и лексиконы. Остальные части собрания А. Фирковича, по мнению составителей отчета, не представляли особой ценности [3, л. 8, 8 об.].

Пристальное внимание было уделено припискам и маргиналиям, сделанным на колофонах рукописей, с целью установления их достоверности: «Но всякую приписку принимать на слово нельзя <...> попадают иногда приписки, сочиненные в позднейшее время для того, чтобы обманом возвысить ценность рукописей в глазах покупателей и любителей древностей, или чтобы сообщить читателю какую-нибудь историческую выдумку». Составители отчета небезосновательно замечали, что сам А. Фиркович преувеличивал древность обнаруженных им рукописей, и подчеркивали необходимость филологического и палеографического анализа текстов документов. То же касалось и надгробных надписей, в подлинности некоторых из них члены комиссии также выразили свое сомнение [3, л. 11–17 об.]. Следует также заметить, что исследование аутентичности находок А. Фирковича, начатое в середине XIX в., продолжается и в наши дни [6, с. 212–227; 8, с. 102–130; 7, с. 533–555].

В дополнение к структурированному описанию коллекции прилагался краткий исторический очерк о караимах, составленный членами комиссии академии в соответствии с одной из предложенных версий об их происхождении (в частности, утверждалось, что «с половины VIII столетия примкнули к секте карайтов хаканы хазарские, которые вслед за тем простерли свою власть над Крымом, Киевом и другими частями нынешней Юго-Западной России») [3, л. 9]. Данная концепция, предложенная российскими востоковедами В.В. Григорьевым и В.Д. Смирновым, рассматривала караимов как потомков хазар, половцев и других тюркских народов.

Вывод, сделанный членами комиссии, в целом носил положительный характер, так как коллекция содержала «много отдельных, редких и замечательных по содержанию и древности рукописей и свитков». «Нет

сомнения, – сообщалось в заключении, – что коллекцию г. г. Фирковичей было бы желательно приобрести для России. Она бы значительно пополнила и украсила имеющиеся уже у нас собрания восточных рукописей». Но вместе с тем востоковеды отмечали, что данное собрание не имело того значения, которое придавали ему Авраам и Гавриил Фирковичи, поскольку многое из их слов подвергалось сомнению и опровержению. Поэтому члены комиссии рекомендовали оценить коллекцию в 20–25 тыс. руб., считая даже эту сумму завышенной [3, л. 17 об., 18].

В 1863 г. в Императорскую публичную библиотеку были переданы ранее упомянутые кодексы и свитки и другие самаритянские рукописи, памятники арабской и персидской письменности, собранные А. Фирковичем в 1839–1841 и в 1852 гг., и хранившиеся в ООИД. В.В. Вельяминов-Зернов замечал, что Фирковичи «первые извлекли из забвения, <...> спасли от конечной гибели весьма значительное число караитских памятников», и, по предварительной оценке, в этом собрании караимские рукописи составляли как бы отдельную коллекцию (первоначально было выявлено 272 экземпляра). Эти артефакты, по мнению В. В. Вельяминова-Зернова, имели важное значение для изучения истории караимов, догматов их религии и содержания дискуссий по различным вопросам с евреями-рабанитами [3, л. 9, 10].

Наиболее выдающимися в этом собрании А. Фирковича считались: фрагмент темно-коричневого кожаного свитка Торы (Пятикнижия), датированный IX–X вв.; Книга Последних пророков (в списке 916 г.); Каирская Библия 1010 г. (древнейший полный датированный список Библии на древнееврейском языке); сборник стихотворений караимского поэта Моисея Дари, привезенный также с Ближнего Востока. Однако создание большинства рукописей Первого собрания локализуется на территории Российской империи или европейских стран [9, с. 217–238].

В октябре 1862 г. по высочайшему повелению коллекция рукописей все же была куплена за 125 тыс. руб. Собрание, которое включало также надгробные плиты с кладбища Чуфут-Кале, по словам современников, обратило на себя внимание всего ученого мира, не только в России, но и вне ее [10, с. 5–49]. Тем не менее, уплаченная Фирковичам сумма была чрезвычайно высока и превышала годовой бюджет Публичной библиотеки на покупку рукописей в десять раз [11].

После смерти А. Фирковича Публичная библиотека выкупила в 1876 г. у родственников ученого за 50 тыс. руб. коллекцию рукописей и документов, а также его личный архив. Во «Второе собрание Фирковича», вошли 200 свитков Торы, более 200 пергаментных кодексов и другие рукописи религиозного, философского, медицинского, астрономического, астрологического и литературного характера, в основном на иврите и арабском языке. Ныне коллекция караимских и крымчакских рукописей

хранится в фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [12, с. 89–102; 13, с. 77–88; 14, с. 207, 214–224].

Библиографические ссылки

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 8. Д. 204.
2. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 249.
4. О собрании рукописей и других древностей, предложенных г. г. Фирковичами в продажу Имп. Публичной библиотеке: Донесение акад. Броссе, Куника, Шифнера и Вельяминова-Зернова, чит. в Ист.-филол. отд-нии Акад. наук 7 марта 1862 г. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1869. 13 с.
5. *Броссе М.И.* О собрании рукописей и других древностей, предложенных г. г. Фирковичами в продажу Императорской публичной библиотеке: донесение академиков Броссе, Куника, Шифнера и Вельяминова-Зернова, чит. в Ист.-филол. отд-нии Акад. наук 7 марта 1862 года // Записки Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1869. Т. 15. С. 252–264.
6. *Федорчук А.Б.* Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евразийский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008) / Ред. В. Лихачев, В. Палей, А. Федорчук, С. Чарный, М. Членов. Москва: Паллада, 2008. С. 212–227.
7. *Шапира Д.* Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: история двух поддельных надписей // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 533–555.
8. *Шапира Д.* Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А.С. Фирковича // Материалы одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва: Сефер, 2004. Т. 1. С. 102–130.
9. *Васильева О.В.* Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. 2005. Вып. 1(2). С. 217–238.
10. *Гаркави А.Я., Страк Г.М.* О коллекции восточных рукописей А. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. 178: Отд. «Современная летопись». С. 5–49.
11. *Васильева О.В.* Еврейские рукописи в Российской Национальной библиотеке. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/firkovich/liter.php (дата обращения: 21.04.2024).
12. *Медведева Л.Я.* О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР // Советская тюркология. М., 1988. № 6. С. 89–102.
13. *Федорчук А.* Находки и загадки Авраама Фирковича // Восточная коллекция. 2006. № 2. С. 77–88.
14. *Вихнович В.Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. Санкт-Петербург: Академия исследования культуры, 2012.